

Уходя,
НЕ ВОЗВРАЩАЙСЯ

2.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ИРЭН БЛАВАТСКАЯ

18+

Ирэн Блаватская

Уходя, не возвращайся 2

<https://litres.ru/74076514>

SelfPub; 2026

Аннотация

Одна роковая ошибка способна превратить жизнь в выжженную пустыню.

Жестокий Восток не прощает слабостей. Позади — авиакатастрофа и раскаленные пески, впереди — смертельная игра, где женщины и дети становятся разменной монетой в руках врагов.

Салман — мужчина, чья ярость способна уничтожить до основания. Слепленный предательством и горем, он уходит, оставляя её наедине с невыносимой виной.

Изломанная и беззащитная, она оказывается мишенью в безжалостной охоте. Без денег, без имени, на самом краю бездны. Когда весь мир обернулся против нее, единственный способ выжить — довериться тому, от кого когда-то бежала.

Сможет ли любовь возродиться из пепла там, где доверие расстреляно в упор?

Содержание

Глава	4
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	54
Глава 5	70
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Ирэн Блаватская

Уходя, не возвращайся 2

Глава

Уходя, не возвращайся.

Мы кричали о ненависти, но наши тела помнили только одно:

друг без друга нас нет.

Глава 1

Семь месяцев... Семь долгих, вычеркнутых из нормальной жизни месяцев, которые превратили её прошлый мир в далекое, почти нереальное воспоминание.

Ева стояла у большого окна больничной палаты родильного отделения и, обняв себя за плечи, задумчиво смотрела на улицу. Был затяжной, серый шлейф раннего вечера. Свет в палате она сознательно не включала — легкий полумрак убаюкивал, помогая унять бесконечный рой мыслей в голове. В углу, в пластиковой прозрачной люльке, мирно посапывал маленький комочек. Малышу исполнилось всего шесть дней, и сейчас он спал тем безмятежным, чистым сном, какой бывает только у новорожденных.

Тишину за спиной нарушил мягкий щелчок открывающейся двери. Ева вздрогнула. В проеме показался силуэт заведующего отделением.

— К вам посетитель, — негромко, с каким-то странным почтением в голосе произнес врач. — Проходите, пожалуйста. Я лично прослежу, чтобы вам никто не помешал.

Ева еще не успела полностью освободиться от вязкого плена собственных мыслей, когда медленно обернулась.

Сердце мгновенно, с размаху остановилось, а в следующую секунду рухнуло куда-то вниз и забилося с бешеной, утроенной силой, отдаваясь глухими ударами в барабанных перепонках. Кровь горячей волной ударила в лицо, перехватив дыхание.

Этого не могло быть. Этого просто не могло быть здесь, в её городе, в этой мирной клинике.

Из полумрака коридора в палату уверенно шагнул мужчина. Те самые глаза... Черные как смоль, хищные, смертельно опасные, дикие глаза, которые когда-то одним взглядом отбирали у неё последние остатки воли и полностью подчиняли своей. Безупречная, волосок к волоску, аккуратная борода, подчеркивающая волевые скулы. И это облако... Обволакивающее шлейфовое облако его дорогого, шикарного парфюма, который Ева узнала бы из тысяч других. Пряный, тяжелый аромат мгновенно вытеснил больничные запахи лекарств.

Всё происходящее казалось слишком нереальным, галлюцинацией, порожденной послеродовой усталостью. Но видение не исчезало. Салман, держа в руках роскошный, огромный букетище белоснежных лилий, медленно, бесшумно приближался к ней.

Ева застыла в оцепенении, словно под гипнозом. Ноги стали ватными, тяжелыми, будто намертво приросли к больничному линолеуму. Тело превратилось в чужое, наотрез отказываясь подчиняться приказам затуманенного, паникующего мозга. А он уже был совсем близко. Всего в паре шагов.

Никто из них не проронил ни звука. В звенящей, густой тишине палаты, казалось, эхом отдавался лишь загнанный стук двух сумасшедших сердец.

Салман остановился вплотную. Его обжигающее дыхание коснулось разгоряченной кожи её лица. Они буквально пожирали друг друга глазами, не в силах разрушить этот магнетический, болезненный контакт. Дыхание Евы участилось, сбилось, смешалось с его дыханием и слилось в один обжигающий, головокружительный поток.

Всё вокруг вдруг стало ничтожно малым, пустым и совершенно неважным: прошлые обиды, страхи, разрушенные города, пули у ворот посольства... Существовали только эти черные глаза, эти губы, бешеный ритм сердец и до предела напряженные, изголодавшиеся друг по другу тела.

Тяжелые лилии глухо упали на пол к их ногам. В то же мгновение Салман резко, почти грубо сжал её в своих же-

лезных, хозяйских объятиях и жадно, до боли впился в её пухлые, податливые губы. Он обрушил на неё всю ту лавину первобытной страсти, которая копилась и жгла его изнутри долгие семь месяцев разлуки. И Ева... Ева не оттолкнула. Дрожа, она ответила ему тем же — с такой же исступленной, накопленной жаждой. Их захлестнула безумная, темная волна, заставив в секунду позабыть обо всём на свете.

Вулкан, который они оба так упорно пытались затушить, всё-таки прорвался наружу, сметая на своем пути любые разумные преграды, полностью отключая здравый смысл, обливая их жидкой огненной лавой и заставляя кровь в жилах закипать.

Внезапно эту интимную, душную тишину прорезал тонкий, звонкий детский плач.

Звук подействовал как ушат ледяной воды. Ева судорожно, тяжело дыша, отстранилась от мужчины. Находясь в глубокой прострации, она растерянно посмотрела на Салмана, её губы горели от его поцелуя. Мысли путались — она не до конца понимала, что только что произошло и как она вообще позволила себе раствориться в его руках.

Наконец они оба синхронно повернули головы в сторону детской кроватки. С трудом разжав пальцы Салмана, ко-

которые всё еще собственнически покоились на её талии, Ева быстро подошла к малышу. Осторожно, бережно взяв хрупкого ребенка на руки и нежно, успокаивающе нашептывая ему какие-то бессвязные ласковые слова, она присела на край кресла и стала кормить его грудью. Плач тут же утих.

Ева смотрела на сына с такой безграничной любовью, с такой трепетной, чистой нежностью, так трогательно улыбалась его крошечному личику, что у Салмана в голове ассоциативно мелькнул образ — Мадонна с младенцем. На память восточному мужчине вдруг пришли чьи-то слова, услышанные им очень давно, еще во времена его бурной юности во время учебы в Москве: «Самая прекрасная из женщин — женщина с ребенком на руках».

Салман стоял неподвижно, как зачарованный глядя на эту сакральную картину. В этот момент он остро, отчетливо понимал: каким бы жестким, циничным и ужасным человеком он ни был для всего остального мира, жизнь преподнесла ему бесценный, величайший подарок. Ева и этот маленький мальчик — это самое важное, что отныне существовало на земле. Это была кровь от его крови, часть его самого и неотъемлемая, главная часть его будущей жизни.

На подсознательном, животном уровне Салман понимал: Ева никогда не простит ему того, что он сотворил с ней в сво-

ем пустынным дворце. Но отступить этот мужчина не умел и не собирался.

— Мой сын. Мой наследник... Весь в меня, — с нескрываемой, глубокой гордостью негромко произнес он, сделав шаг ближе и внимательно, жадно разглядывая крошечные черты лица младенца.

Ева с огромным трудом приходила в себя после секундного помутнения разума, виновником которого, как и всех её недавних бед, был стоящий перед ней человек. Услышав его хозяйский тон, она холодно отчеканила:

— Салман, ты зачем приехал?

Мужчина едва заметно усмехнулся, скользнув взглядом по её фигуре:

— Ева... А материнство изменило тебя. Ты стала еще женственнее, мягче. И еще красивее.

— Чего тебе нужно? — её голос окреп, хотя внутри всё дрожало от хаоса. — Ты ведь приехал сюда не за тем, чтобы делать мне комплименты.

— Я говорил тебе, что я — именно тот мужчина, который тебе нужен. И я был прав, — Салман уверенно заглянул в её глаза. — Ты всё еще любишь меня, Ева.

— Перестань нести чушь! — вспыхнула она, стараясь говорить тихо, чтобы не потревожить сосущего грудь ребенка. — Ты просто никак не можешь успокоиться из-за того, что тогда всё пошло не по твоему плану. Твое эго ущемлено, только и всего.

— Ева, ты хотя бы себе самой не ври, — мягко, но с пугающим давлением возразил он. — Меня-то ты точно не обманешь. Я только что почувствовал это в твоих губах. Я это знаю.

— Это гормоны, — упрямо выпрямила спину девушка, отводя взгляд. — У всех женщин так бывает после родов. Минутное, глупое помутнение... И ничего больше.

— Ты ведь помнишь нашу последнюю ночь в отеле? — Салман сделал еще шаг, его голос снизился до интимного полусшепота. — Я чувствую, что помнишь каждую секунду. Нам было слишком хорошо вдвоем... Сознайся.

— А ты, я вижу, забыл, что та ночь была всего лишь сделкой? — горько усмехнулась Ева, и в её глазах блеснули слезы. — Ничего личного. Чистый расчет ради спасения жизни.

— Говори себе об этом почаще, может, со временем сама

поверишь, — цинично хмыкнул мужчина. — Но меня ты в этом никогда не убедишь. Это природа, Ева. Твое тело тянется к моему. А против природы, как известно, не попрешь.

— Не обольщайся, Салман, — она со злостью посмотрела на него. — Это у вас на Востоке принято плести сложные, лживые кружева в отношениях. В моем мире всё гораздо проще. Это был банальный секс. И ничего больше.

— Это любовь. И мы оба, здесь и сейчас, знаем об этом. Не отрицай очевидное, это глупо.

— А ты действительно думаешь, что такого, как ты, можно любить?! — в её голосе прорезалось отчаяние. — Ты же чудовище! Ты забыл, через какой ад я прошла в твоём доме по твоей вине? Ты не дал мне ни единого, даже крошечного шанса просто по-человечески полюбить себя!

Салман на секунду нахмурился, в его глазах мелькнула тень жесткости, но он быстро взял себя в руки:

— Невозможно всё время озираться назад и жить прошлыми обидами. Мы все совершаем ошибки, Ева. Даже приговоренного к смерти иногда прощают.

— А как мне забыть тот день?! — из глаз Евы всё-таки покатила горячая слеза. — Что это вообще было, Салман?

Ты сам предложил мне эту проклятую сделку. А когда получил свое... решил нас просто убрать? Легко так, играючи, расстрелять в машине, как каких-то назойливых мошек! Конечно... Мы ведь для тебя были не людьми. Мы были просто товаром. И после всего этого ты стоишь здесь, говоришь мне о любви, и я должна тебе верить?

Салман тяжело вздохнул, и в его лице проступила вековая, холодная мудрость человека, привыкшего распоряжаться чужими жизнями:

— Ева, ты еще слишком молода и не понимаешь, что жизнь — это не только черное и белое. Идеала не существует. В каждом из нас, без исключения, сидит свое собственное чудовище. У нас на Востоке говорят: «Ветры дуют не так, как хотят корабли». И в такие моменты, наше чудовище берет верх над разумом. Со временем ты поймешь это.

— Однажды этот твой «ветер» уже прошелся по мне разрушительным ураганом, — прошептала она, бережно перекладывая наевшегося и уже крепко заснувшего сына обратно в колыбель. — И этот ужас до сих пор живет внутри каждой моей клетки. Нет, Салман. Я не хочу и не буду это понимать. Наши чудовища гораздо человечнее. Они, в отличие от ваших, хотя бы не требуют крови своих жертв...

Оставив ребенка, Ева быстрыми шагами подошла к окну.

Скрестив руки на груди, словно защищаясь от его присутствия, она уставилась на улицу.

На дворе уже заметно стемнело. Кое-где внизу тусклыми точками зажглись уличные фонари. Погода за стеклом стремительно портилась: осенний ветер швырял в стекло первые капли дождя, его отчетливое, тоскливое завывание проникало сквозь оконные рамы. В палате воцарился полный мрак, но включать свет никто не думал.

В голове Евы кружился целый рой воспаленных мыслей, в душе бушевал настоящий, первобытный хаос. Он здесь в Москве. Он нашел ее. Снова он... Привести чувства в порядок и разобраться со своей истерзанной душой было непосильной задачей. Тем более сейчас, когда он стоял за её спиной.

Когда-то, в самом начале их кошмара, её мир действительно был простым, черно-белым. Всё было предельно ясно: Салман — её главный враг, монстр, похититель. И все её силы были брошены на борьбу с ним. А потом... Потом всё внезапно, в один миг перевернулось с ног на голову. Всего одна ночь в отеле «Хилтон», их последняя, безумная ночь внесла смуту в её мысли, поселила этот чертов хаос в сердце и вдребезги разрушила её неокрепший миропорядок. Всё смешалось в кучу. И в этом буйстве красок, обрушившихся

на неё, система опознавания “свой - чужой” в ее душе, дала технический сбой.

«Однажды ты сказал, что я — ТВОЯ женщина, — мысленно кричала она, не оборачиваясь. — И что я никогда не смогу тебя забыть, что я буду мысленно сравнивать тебя со всеми остальными мужчинами... Пока наконец со страхом не осознаю, что только ТЫ мой мужчина. Господи, Салман... Я смогла сбежать от тебя тогда, физически вырвалась из той страны, но ты... Ты так и остался жить в каждой клеточке моего тела, в каждом закоулке моего разума. Не было ни единой минуты за эти семь месяцев, чтобы я не думала о тебе».

Ева судорожно вздохнула, прижимаясь лбом к холодному стеклу.

«Я не знаю, что это... Может быть, ты действительно просто сломал и запрограммировал меня там, в пустыне, и я послушно повелась на это? А может... Может, это действительно что-то гораздо большее. Что-то, чему еще не придумали названия».

Она физически, кожей на спине чувствовала его тяжелый, неотрывный взгляд. И самое страшное, самое унижительное было в том, что единственное, чего ей хотелось сильнее всего на свете прямо сейчас — это забыть обо всём, развернуться,

с разбегу броситься в его крепкие объятия и остаться там навсегда. Спрятаться от всего мира на его груди.

Но здравый смысл и непреклонный инстинкт самосохранения дико, во весь голос кричали ей внутри: «БЕГИ! Беги от него, пока не поздно! Когда он однажды ворвался в твою жизнь, он превратил её в дымящиеся руины. Сейчас будет то же самое. Потому что это его карма — ломать и разрушать всё, к чему он прикасается. И ты, Ева, не станешь для него исключением...»

Глава 2

Звонок телефона разорвал тишину палаты, заставив Еву вздрогнуть. Салман уже ушел, оставив после себя лишь едва уловимый шлейф горького парфюма и выжженную пустыню в её груди. Экран мигал именем Олега. Ева с трудом перевела дыхание и провела по сенсору дрожащим пальцем.

— Ева, как там наш сын? У вас все в порядке? А мы уже здесь, внизу... ждем с нетерпением! — голос Олега в трубке был бодрым и счастливым.

Только Ева знала, чего стоила ему эта бодрость. Олег знал всё. Знал, чья кровь течет в венах этого младенца, но принял решение стать ему отцом, закрыв Еву собой от всего мира. Будучи известным спортсменом, находясь под постоянным прицелом камер, он шел на этот шаг осознанно, хороня собственную мужскую гордость ради её спасения.

— Олежик, все у нас хорошо, — Ева заставила свой голос звучать ровно. — Мы уже выходим.

— Ева, тут мама твоя вырывает трубку...

— Доченька! — в динамике раздался взволнованный го-

лос матери, которая, в отличие от Олега, ни о чем не догадывалась. — Как там мой внук? Не плачет?

— Нет, мама, не плачет. Богатырь растет, — Ева с щемлящей, горькой болью посмотрела на белоснежный конверт в руках у нянечки. Малыш взял лучшее от неё, но в чертах его лица уже сейчас угадывалась тяжелая порода Салмана.

— Доча, тут журналисты собрались! Не знаю, как они узнали, но все равно приятно.

Когда Ева вышла из родильного отделения в сопровождении нянечки и врача, её ослепил шквал фотовспышек. Олег, её мама и репортеры тут же двинулись им навстречу. Спектакль для прессы под названием «Идеальная семья» начался.

— Где мой богатырь, дайте мне его! — протянув руки к нянечке, Олег бережно взял на руки ребенка.

Ева затаила дыхание, всматриваясь в его лицо. Ни один мускул не дрогнул на лице Олега перед объективами. В его больших, сильных руках новорожденный казался маленьким котеночком.

— Боже мой, никогда не думал, что новорожденные бывают такими крохотными, — засмеялся он, идеально играя

роль счастливого отца. Но Ева видела, как на секунду потемнели его глаза, когда он взглянул на кроху. Это была его личная, скрытая от всех Голгофа.

Журналисты окружили их плотным кольцом, наперебой задавая вопросы и снимая на камеры.

— Это же Ваш первый ребенок, скажите, какие у Вас ощущения?

Олег гордо выпрямил спину, крепче прижимая к себе чужого сына:

— Самые прекрасные. У меня родился наследник...

— Скажите, каково быть отцом? Что Вы чувствуете?

— Пока не знаю... Но очень горд и счастлив, — ответил Олег, и в его голосе для прессы звучала безупречная радость, но взгляд, который он на мгновение бросил на Еву, был полон такой тихой, прощающей любви, что у неё перехватило дыхание.

— А на кого похож Ваш сын, на маму или на папу?

Этот невинный вопрос репортера повис в воздухе как скрытая угроза. Ева почувствовала, как внутри всё сжалось,

но Олег среагировал мгновенно, спасая ситуацию:

— Он взял самое лучшее от нас обоих...

— А как Вы назовете ребенка?

— Уже назвали — Данила, — твердо произнес Олег. И это простое имя прозвучало как его личное заявление: теперь этот ребенок принадлежит его миру, его семье, и Салману здесь места нет.

— Не решили еще, куда отдадите его, на футбол или фигурное катание? А какой вес у ребенка? Видно, что богатырь. Будете няньку нанимать или бабушки помогут...

Олег продолжал уверенно отвечать на вопросы, прикрывая Еву плечом от назойливых микрофонов, а она шла рядом, глотая слезы благодарности и вины. Пресса видела красивую картинку триумфа знаменитого спортсмена, и никто из этих людей даже близко не догадывался, какая жестокая, разрывающая сердца драма скрывается за их счастливыми улыбками...

В нескольких десятках метров от центрального входа в роддом, в тени раскидистых деревьев, стоял массивный чер-

ный внедорожник с наглухо тонированными стеклами. В салоне стояла удушливая, тяжелая тишина. Салман сидел на переднем сиденье, не отрывая ледяного, гипнотического взгляда от экрана смартфона, куда Муса вывел прямую трансляцию одного из новостных каналов.

С экрана счастливый, ничего не подозревающий Олег уверенно заявлял репортерам: «У меня родился наследник... очень горд и счастлив».

— Муса... Я не понял... — Салман медленно повернул голову к своему помощнику, и его голос прозвучал как рокот приближающегося шторма. В черных глазах полыхнул тот самый первобытный, опасный огонь. — Этот футболист... о чём он вообще говорит? «Мой наследник»... «Горд и счастлив»... Он что, совсем ничего не догоняет?

Салман недовольно, презрительно хмыкнул, но пальцы, сжимающие телефон, побелели от напряжения. Внутри него закипала бешеная ярость собственника, готовая выжечь всё вокруг.

— Это мой сын и мой наследник. И моя женщина. Я не собираюсь от них отказываться. И разнесу любого, кто встанет на моем пути.

А у дверей родильного отделения в этот момент цари-

ло шумное, праздничное оживление. Ева, преодолевая внутреннюю дрожь, продолжала улыбаться в объективы камер, пока Олег бережно держал на руках младенца.

Вдруг сквозь плотное кольцо журналистов протиснулась пожилая санитарка. В одной руке она держала роскошный, огромный букет экзотических цветов, а во второй — большой подарочный пакет, наспех обвязанный атласным бантом.

— Извините, — смущенно проговорила женщина, протискиваясь к Еве. — Это просили передать лично Еве Донской. Возьмите, пожалуйста.

— От кого подарки? Кто передал? Какой роскошный букет! — мгновенно возбудились журналисты, почуяв красивый инфоповод, и операторы тут же перенаправили камеры на сверток.

Ева растерянно, непонимающе улыбнулась, пожала плечами и взяла в руки пакет. Он оказался неожиданно тяжелым и увесистым. Но не успела она сделать и шага, как из глубины пакета послышался звонкий, залиvistый щенячий лай, и наружу тут же высунулись две уморительные, торчащие серые уши.

— Собачка... Боже мой, собачка! Немецкая овчарка! — завизжав от самого искреннего, детского восторга, воскликнула Ева.

Это было настолько неожиданно, ярко и оглушительно, что маска взрослой, уставшей женщины с нее в миг слетела. Она всё свое детство бредила именно этой породой, засыпала и просыпалась с мыслью о верном сером друге, но той далекой мечте суждено было сбыться только сейчас, во взрослой, изломанной жизни. Крошечный песик, бойко выскочив из пакета, тут же уютно устроился у нее на руках.

Все вокруг были буквально шокированы таким внезапным, оригинальным подарком. Журналисты, временно позабыв про новорожденного ребенка, принялись снимать крупным планом, как ушастый щенок, неистово виляя хвостом, всю норовит облизать лицо смеющейся девушки.

— А кто подарил? Где сам даритель? Почему он скрывается? — всё еще улыбаясь от нахлынувших детских эмоций, спросила Ева у санитарки, оглядывая толпу.

— Вон, видите ту машину? Он в ней, — женщина обернулась и указала рукой в сторону выезда с парковки.

Ева посмотрела в том направлении, и улыбка мгновенно застыла на её губах. Огромный тонированный внедорожник, стоявший совсем недалеко, как раз тронулся с места и теперь медленно, плавно двигался в их направлении.

Сомнений не было. Она узнала бы этот силуэт из миллионов.

В одну секунду вся кровь прилила к лицу, а затем сменилась смертельной бледностью. По спине пробежал леденящий, арктический холодок, напрочь спутав дыхание и заставив сердце забиться в груди с удвоенной, панической силой. Воздух вокруг стал густым, как свинец.

Машина поравнялась с ними, снижая скорость до минимума. Ева стояла как замороженная, парализованная этим зрелищем, не в силах отвести взгляд от опускающегося переднего стекла.

За рулем сидел сам дьявол со шрамом — единственный друг Салмана, и глава его охраны, который, казалось, временно вышел из ада на каникулы. От его широкой, лучезарной улыбки глубокий шрам на лице смотрелся еще более зловеще, уродливо и ужасно.

А рядом с ним, на переднем сиденье, вальяжно откинув-

шись на кожаную спинку, сидел Салман. Поравнявшись с онемевшей Евой, он слегка наклонил голову, его губы тронула едва заметная, хищная и торжествующая улыбка. Сложив губы уточкой, он небрежным, издевательски-красивым жестом послал ей воздушный поцелуй через открытое окно.

Окно закрылось. Ева смотрела им вслед, чувствуя, как внутри всё рушится, пока черный автомобиль плавно и бесшумно не выехал с территории больницы, растворяясь в городском потоке.

— Ну так где же таинственный даритель? Почему он решил остаться неизвестным? — зашебетали вокруг репортеры, не заметившие этой безмолвной драмы.

— Вероятно, тайный поклонник, — весело и легкомысленно ответила мама Евы, спасая затянувшуюся паузу. — Решил просто не вызывать чувство ревности у законного супруга!

Все дружно, громко рассмеялись, оценив её шутку. Олег тоже улыбнулся, но его взгляд, направленный на Еву, стал тяжелым и пронзительным. Он всё понял без слов.

Спустя десять минут Ева уже сидела в салоне их автомобиля, крепко прижимая к груди спящего Данилу. К её ногам

устроился щенок. Один из журналистов напоследок заглянул в открытое боковое окно, протягивая микрофон:

— Ева, последний вопрос, ответьте, пожалуйста! У Вас ребенок, зачатый в любви и согласии, любимый и надежный муж рядом... Скажите, а Вы по-настоящему счастливы?

Ева с Олегом на секунду переглянулись. В глазах Олега была немая поддержка и готовность биться за нее до конца, но в душе Евы уже выли волки. Она повернулась к камере и выставила вперед свою безупречную, отрепетированную улыбку:

— Конечно счастлива. У меня есть для этого всё...

Машина тронулась. Олег молча и сосредоточенно водил машину, вцепившись в руль, мама на заднем сиденье о чем-то весело и без умолку рассказывала... А щенок овчарки звонко лаял, прыгая по салону и рискуя облизать каждого, кого встречал на пути.

Но Ева мыслями была очень, очень далеко.

Она смотрела в окно на мелькающие улицы Москвы, а внутри у нее всё дрожало. «Щенок... Немецкая овчарка...» Она ведь всего один раз, там, в далекой Самарре, в минуты редких откровений рассказала Салману, что в детстве отчаянно мечтала о такой собаке. Странно и страшно, что этот

безжалостный человек до сих пор помнит такие мелочи...

Салман... Опять Салман. Она ведь наивно, глупо полагала, что навсегда избавилась от него, когда совершила тот безумный побег через пустыню. Какое жестокое, фатальное заблуждение! Он опять, не спросив, по-хозяйски ворвался в её жизнь, и явно не с самыми благими намерениями.

Ева с бесконечной, разрывающей сердце любовью посмотрела на крошечный комочек жизни, мирно сопящий у нее на руках. Маленький Данила... Который даже сейчас, во сне, хмурил бровки точно так же, как его настоящий отец. Этот мальчик был абсолютной, уменьшенной копией Салмана.

И в ушах Евы, заглушая веселый лай щенка и голос мамы, набатом зазвучали последние слова, которые Салман прошептал ей тогда, в полумраке отеля, перед её отъездом:

«Я страшный собственник и эгоист, Ева. И своим добром я не привык делиться ни с кем. Так что ничего еще не закончилось, любимая... Всё только начинается».

Глава 3

Запах перегара, ввевшийся в дорожную обивку салона Олега, заполнил прихожую прежде, чем он успел разуться. Он вернулся под утро. Навеселе, с развязанным галстуком и липким от пота лицом — триумфатор, отгулявший рождение чужого сына как свою главную победу.

Ева стояла у детской кроватки, баюкая на руках хрупкий, едва весомый сверток. Спина затекла, швы после родов тянуло тупой, изматывающей болью, но внутри нее все сковал ледяной страх.

Олег ввалился в спальню, даже не прикрыв за собой дверь. С трудом удерживая равновесие, он подошел к ней, наклонился над спящим младенцем и криво, сыто усмехнулся.

— Ну что, пацан... будем знакомы. Бери пять. Расти большой, не будь лапшой. Главное — мамкину породу перейми, у нее-то «принимающее устройство» на загляденье, раз на него даже шейхи ведутся...

Он пьяно, сально хохотнул и протянул подрагивающую пятерню к личику младенца, пытаясь потрепать его за щеку.

Ева резко качнулась вперед, буквально грудью заслоняя ребенка, и перехватила его руку. Внутри все перевернулось от омерзения.

— Олег, тише! Что за пошлости?! Как ты выражаешься при ребенке?

Они не виделись неделю. Семь бесконечных дней в роддоме, где он ни разу ее не посетил, а сегодня, едва привезя её домой, он сразу же уехал «обмывать» наследника с компанией, оставив её одну. И вернулся вот таким.

— А что такого? — Олег бесцеремонно вырвал свою руку и шмыгнул носом, криво оскалившись. — Он все равно ни хрена не понимает. В конце концов, отец — не тот, кто кайф словил, а тот, кто вырастил. Имею право.

— Зато я все прекрасно понимаю, — выдохнула Ева. Голос сорвался на шепот, полный гневного бессилия.

— А чем ты недовольна, Евочка? Что тебе опять не нравится? — он вальяжно развел руками, проходя вглубь комнаты. — Да, давай называть вещи своими именами. Кто-то словил кайф на шелковых простынях, а мне теперь всю жизнь расплачиваться? За чужие грехи, между прочим.

В его голосе зазвенели те самые, до боли знакомые нотки псевдожертвенности. Олег искренне считал себя пострадавшей, великодушной стороной, святым мучеником, который снизошел до падшей женщины.

— Это было твоим решением, — Ева аккуратно переложила спящего сына в кроватку и повернулась к мужу, чувствуя, как внутри натягивается струна. — Сойтись и жить вместе. Я ни на чем не настаивала, Олег. Ты сам умолял меня вернуться, если помнишь.

Ее не было дома неделю, но вместо покоя и запаха детской присыпки в этот дом снова возвращался липкий, душный скандал.

— А может, я любил тебя? — Олег вдруг резко посерьезнел, лицо его поплыло, глаза заблестели обидой. Он сделал шаг к ней, обдав волной алкогольного тепла. — Любил, понимаешь? А теперь как представляю, как этот холеный арабский мужлан трахал тебя... как ломал под себя... Еще и выродка этого заделал. Да у меня перед глазами эта картина стоит! Видеть тебя после этого не могу, тошнит...

Он состроил брезгливую гримасу, словно его насильно заставляли прикоснуться к чему-то грязному.

— С первого дня... — Ева зажмурилась, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. — С самого первого дня между нами незримо присутствует Салман. Он как третий в этой комнате. Олег, почему мы не можем просто забыть о нем? Закрывать эту тему навсегда и начать жить нормально? Ради ребенка?

— Надо же, — Олег театрально вскинул брови, замерев посреди комнаты. — Видишь, ты даже имя его помнишь, от зубов отскакивает. Значит, не стерлось из памяти? Помнишь еще мучителя своего темпераментного? Тоскуешь по восточным сказкам?

— Да ты же сам не даешь мне его забыть! — в отчаянии выкрикнула она, тут же испуганно взглянув на люльку. Ребенок зашевелился. Ева прижала ладонь к груди, сдерживая рвущиеся наружу слезы. — Каждый день, каждое утро ты тычешь мне этим в лицо!

— А может, ты и ласки его грубые помнишь? — Олег подошел ближе, вкрадчиво, почти шепотом, но в этом шепоте сквозила ядовитая судорога. — Как такое забудешь, да? Дикарь из пустыни... Небось, до сих пор по ночам подушку кусаешь, вспоминаешь, как он тебя брал?

— Прекрати нести эту чушь! Сколько можно... хватит,

умоляю, хватит!

— Что хватит? — его смех, сухой и дребезжащий, разрезал полумрак спальни. — Может, тебе именно это и нужно было? Когда ломают через колено, втаптывают в грязь? Вас, баб, ничего другого не заводит... Чистое садо-мазо с горой восточных мышц. Привыкла к плети?

Ева вздрогнула, словно её ударили наотмашь. Мерзкий, торжествующий смех Олега эхом отдавался в ушах.

— Что ты несешь... — прошептала она с глубочайшей, граничащей с омерзением неприязнью.

Она смотрела на мужчину, который когда-то казался ей спасением, а сейчас ходил по комнате, раздуваясь от собственной значимости и жестокости.

— А что ты кипяتيشся? — Олег самодовольно ухмыльнулся, расчесывая пятерней растрепанные волосы. — Так бывает, дорогая моя. Когда жертва без памяти влюбляется в своего палача, в насильника... В психологии даже термин под это дело есть. Как же он там... вылетело из головы...

— Стокгольмский синдром? — Ева хлестко, ледяным тоном оборвала его паясничество. — Так вот, это не имеет ко

мне никакого отношения. Никакого.

— Ну вот видишь! — он торжествующе ткнул в нее пальцем, почти коснувшись ее носа. — Я был прав! Ты сама об этом сказала, у тебя это на подкорке записано! Значит, думаешь об этом? Каждую минуту думаешь... Сознайся, Ева. Ведь думаешь о нем, когда я к тебе прикасаюсь?

Олег придвинулся вплотную, лишая воздуха, заставляя вжиматься спиной в стену.

— Да... — Ева подняла на него абсолютно сухие, полные выгоревшего дотла разочарования глаза. — Думаю. Я думаю о том, что зря мы все это затеяли. Семьи у нас не получится, Олег. С самого начала было ясно, что ты никогда этого не забудешь. И мне... мне не дашь начать заново.

Лицо Олега мгновенно налилось багровой кровью. Вены на шее вздулись, а глаза бешено, дико округлились. Обида пьяного человека переросла в неконтролируемую ярость.

— Ева, очнись! — заорал он, брызжа слюной. — Он же издевался над тобой, как хотел! К ногам своим швырял! А ты, как похотливая самка, все никак его из головы не выкинешь! Гресишь им... Ты же женщина, черт тебя дери! Где твоя гордость? Где твоя чистота?!

— Олег, иди проспись... Ты выпил лишнее, — Ева почувствовала, как внутри умирает последнее чувство жалости к нему. Осталась только глухая, свинцовая усталость. — Одно и то же. Изю дня в день. Сколько можно...

Не в силах больше выслушивать этот поток надуманной грязи, она тяжело вздохнула и развернулась, направляясь к выходу из спальни... чтобы не слышать, уйти, спрятаться.

Но дойти до двери она не успела.

Олег коршуном метнулся наперерез. Его пальцы стальными тисками впились в ее тонкое запястье. Рывок был такой силы, что Еву крутануло, и она со стоном ударилась плечом о дверной косяк.

— Ты думаешь, он НАС тогда убить хотел?! — выплюнул он ей прямо в лицо, его дыхание обжигало кожу. — Нет, дорогая моя! Не-е-ет! Он только от меня хотел избавиться, как от мусора! А тебя — тебя он хотел заполучить обратно, как ценный трофей! Как сучку свою породистую! А я не дал... Я жизнью рисковал, но не дал... А теперь думаю: надо было отдать. Надо было швырнуть тебя ему под ноги! Вы же стоите друг друга, два сапога пара! — сорвался он на истошный хрип.

— Не кричи! Ребенка разбудишь! — Ева попыталась вырвать руку, но он держал намертво, оставляя на коже багровые следы.

— Да плевать мне! — Олег безумно зыркнул в сторону люльки. — Еще и ублюдка своего мне подкинул, козел восточный... Сделал меня шутком на весь город! А я, по-твоему, молчать должен?!

Пробуждение было тяжелым. Алкоголь уходил медленно, оставляя после себя глухую боль в затылке и мерзкий сухой привкус во рту. Олег пошевелился, поморщился от бьющего в окна яркого утреннего солнца и по привычке повел рукой вправо. Постель была холодной.

Олег не удивился. Ева всегда вставала рано — сказывались годы спортивной закалки, когда режим дня был железным законом. Он полежал еще минут пять, тупо глядя в потолок, перевернулся на бок, и его мутный взгляд наткнулся на пустую детскую кроватку.

И тут до него дошло. В доме стояла странная, противоестественная тишина.

Вроде бы в квартире появился младенец, который должен был ворочаться, кряхтеть, плакать, в конце концов. Но не было слышно ни звука.. Даже щенок, который неожиданно появился в доме — этот неуклюжий, лопоухий подарок от поклонников, — не скулил и не шуршал лапами по паркету. Ни шагов, ни звона посуды на кухне, ни мягкого, дурманящего запаха свежесваренного кофе. Ни-че-го. Квартира казалась вымершей, словно из нее выкачали весь воздух.

В груди неприятно, предчувствуя беду, кольнул холод.

Олег вскочил. Забыв про головную боль, он в два прыжка преодолел расстояние до детской люльки. Пусто. Простынка аккуратно разглажена, ни одной складочки.

— Ева?.. — хрипло, со сна позвал он, и собственный голос показался ему чужим в этой пустоте.

Он рванул на кухню. На плите — холодный чайник. Никаких следов завтрака. Сердце Олега застучало быстрее, глухими ударами отдавая в виски. Он заметался по комнатам, распахивая двери: гостиная, ванная, коридор... Никого.

«Может, вышла погулять? На свежий воздух с коляской?» — уцепился он за спасительную мысль, хотя внутри уже все

горело от паники.

Олег бросился к гардеробной и с силой рванул на себя зеркальную дверцу шкафа. Вешалки с тихим, позорным звоном качнулись в пустоте. Половины вещей Евы не было. Но по-настоящему его добила нижняя полка, где еще вчера лежали аккуратные стопки крошечных детских бодиков и чепчиков. Там было стерильно чисто.

Она ушла. Забрала ребенка, собаку и ушла.

Олег обессиленно опустился на край кровати, запустив пальцы в волосы. Ева и раньше порывалась уйти. После каждой их крупной ссоры, после его пьяных упреков она собирала сумку, но каждый раз ему удавалось ее перехватить. Он умел быть убедительным: падал на колени, клялся в любви, вымаливал прощение, играл на ее чувстве вины и долга. И она оставалась. Глотала обиду и возвращалась на свою орбиту.

Но в этот раз внутри у Олега все похолодело. Собрать вещи ночью, втайне, пока он спал мертвецким сном после попойки, и уйти без единого звука, без записок и выяснения отношений... Такого никогда не было. Это не было импульсивным бунтом. Это был побег. Взвешенный, холодный и окончательный.

Внутри Олега закипел ядовитый коктейль из чувств. Он любил ее и одновременно ненавидел — так сильно, что порой сам пугался этой черноты. Ненавидел за то, что в ее глазах навсегда остался этот проклятый Салман. Ненавидел за то, что чужой ребенок теперь будет орать в его доме. Но и отпустить ее он не мог.

Быть мужем Евы — блистательной, знаменитой фигуристки, красавицы, от одного взгляда которой мужчины ломали шеи и сходили с ума, — это был его главный жизненный триумф. Статус. Знак его личного превосходства над всеми остальными. Мужчины смотрели на нее с вожделением, а на него — с завистью. И потерять этот статус, стать в глазах окружения брошенным мужем, над которым втихомолку будут посмеиваться, Олег не собирался.

Он сжал кулаки так, что побелели костяшки. Обида, уязвленная гордость и злость вытеснили остатки хмеля. Он найдет ее. Чего бы ему это ни стоило. Найдет, и вернет.

Две недели после ранения Олег пролежал в больнице, и после выписки в их доме не было и дня без упреков, битья посуды или тяжелого, удушливого молчания. Ева долго

терпела. Надеялась, прятала обиду глубоко внутрь, списывая всё на страшный стресс, который он пережил в Самарре. Она уверяла себя, что рана затянется, кошмар сотрется из памяти, Олег успокоится, и всё у них станет как прежде.

Шли месяцы. Ничего не менялось. Но сегодня... назвать ее сыночка, ее беззащитную кровиночку «ублюдком» — это стало последней каплей. Ее безграничному терпению пришел конец. Забрав ребенка и щенка, к которому уже успела привязаться всем сердцем, она ушла. Навсегда, без единого сожаления оставив позади роскошную квартиру, ставшую для нее филиалом ада.

Была глубокая, глухая ночь, когда Ева, содрогаясь от безмолвных слез за рулем, набрала номер матери: «Мама, я еду к тебе».

Уложив маленького Даньку в спальне на широкую кровать, Ева и мама устроились на кухне. Лопухий щенок овчарки, смешно перебирая толстыми лапами, недолго побродил по незнакомой квартире, обнюхал углы и вскоре, свернувшись калачиком под столом, сладко засопел.

Они не говорили по-настоящему, по душам, уже очень давно. Из Самарры Ева вернулась совсем другим человеком. Какая-то пугающе взрослая, закрытая, с неженской серьез-

ностью в померкших глазах, она никогда ни о чем не рассказывала, словно отгородившись от мира невидимой стеной. Мать просто не узнавала свою всегда открытую, улыбчивую дочь.

— Что же такое могло случиться, чтобы ты ушла от мужа, доченька? — тихо спросила мать, всматриваясь в ее бледное лицо. — Вы же раньше... вы же даже ни разу не поссорились на моих глазах.

— Мама, можно я не буду говорить? — Ева обхватила ладонями кружку, пытаясь согреть пальцы. Голос звучал глухо. — Все так сразу навалилось. Мне нужно просто побыть в тишине. Самой во всем разобраться.

— Но вы же так любили друг друга... — растерянно прошептала женщина, качая головой. — В первый раз крупно поругались — и сразу уходить? Ну что ты, Евочка? Утром проснешься, посмотришь на всё другими глазами и забудешь. Не бывает в семье совсем без разборок, надо перетерпеть.

— Нет, мама. Это конец, — жестко, свинцово отрезала Ева. — Сил моих больше нет.

— Ну как же так... — мать всплеснула руками. — Только сегодня по телевизору сюжет показывали, вы перед самым роддомом такое счастливое интервью давали! В спортивном мире вас считают одной из самых красивых, самых идеальных пар...

— Это все бесконечная, фальшивая игра на публику, — Ева горько усмехнулась, глядя на темную воду в чашке. — И комплексы Олега. Ему жизненно необходимо, чтобы все вокруг думали, будто у него идеальная, глянцевая жизнь. А внутри все давно сгнило, мама. Все было плохо. Очень плохо.

— Ты никогда мне ничего не рассказывала... — повторила мать, и в ее голосе звенящей нотой отозвалась обида наполоам с тревогой. — Ты приехала из этой Самарры чужой.

— А что я должна была рассказать? — Ева подняла на нее глаза, полные выгоревшего отчаяния. — Что Олег увлекся азартными играми? Что он ночами пропадает в подпольных казино, спускает деньги, днем отсыпается с перегаром, а по вечерам срывает на мне злость и устраивает скандалы?

— А как же спорт?.. — Мама, которая строила свою жизнь вокруг спортивных побед дочери и зятя, была искренне шокирована. Ее идеальный мир рушился на глазах.

— Он ушел из спорта, мама. Ранение оказалось не таким уж серьезным, но ему немало — за тридцать. Возраст. А делать что-то еще, трудиться он просто не хочет. Ему предлагали тренерскую работу, хорошую, престижную, его звали неоднократно! Но он от всего отказался. Проще пить, играть и обвинять меня во всех своих неудачах. С меня хватит. Мне плевать, что теперь про меня напишут в газетах и что подумают люди.

Матери было невыносимо тяжело слышать такое от своего единственного, зацелованного ребенка. Чтобы хоть как-то переварить, осмыслить этот поток страшных откровений, ей нужно было занять руки. Спасти бытовыми мелочами.

Она тяжело поднялась, бесцельно прошлась по кухне, включила чайник. Заметив остывший заварник, вылила его в раковину и начала насыпать свежий чай. Обернувшись, она грустно, с затаенной болью прошептала:

— А как же ребеночек? Он-то в чем виноват? Маленький совсем... Сын ведь без отца останется, Ева.

— Это не его сын, — хлестко, как выстрел в тишине кухни, выдохнула Ева.

Мать замерла с чайником в руках. Обернувшись, заметно оживившись, в глазах мелькнуло искреннее потрясение:

— Как... как не его? А чей же?

— Не важно, мама, — Ева сделала быстрый глоток уже остывшего чая, словно пытаюсь смыть горький вкус собственных слов.

— Как это не важно?! А Олег... Олег знает об этом? — женщина с нарастающим удивлением и страхом смотрела на дочь.

— Знает.

— А кто же все-таки отец? Он хотя бы знает, что у него родился сын?

— Знает, мама. Мы вчера виделись.

— Как вчера?.. — мать едва не выронила полотенце. — В роддоме?

— Да, — Ева устало прикрыла глаза, чувствуя, как под веками горит от недосыпа.

— Господи, Ну почему я должна вытягивать из тебя по слову?! — не выдержала мать, присаживаясь обратно за стол. — Ева, что в конце концов происходит? Ты можешь мне толком, по-человечески всё объяснить?

Ева глубоко вздохнула, собираясь с силами. Скрывать это дальше не было смысла.

— Так получилось... Отец ребенка — мой первый мужчина. И это не Олег. Это араб. Мы познакомились там, в Самарре.

На мгновение на кухне повисла тишина, нарушаемая только сопением щенка. И вдруг лицо матери просветлело. В ее простых, житейских представлениях забрезжил луч понятной, красивой сказки.

— И он... он приехал за тобой в Россию? Господи, как романтично! Так ты поэтому ушла от Олега? Ну что же ты молчала, глупенькая! Вы будете жить вместе? Да?

— Нет, мама... — Ева покачала горько головой, и этот жест разрушил хрупкую иллюзию. — Ничего романтичного там нет. Просто так случилось. А вместе мы не будем. Никогда. Это абсолютно невозможно. Между нами слишком много противоречий. Слишком огромная пропасть.

— Подумай хорошенько, доченька, — мягко, умоляюще перебила её мать, накрывая своими теплыми, сухими ладонями ее дрожащие пальцы. — Сыну нужен отец. Нет таких противоречий, которые нельзя преодолеть, если есть любовь. Просто нужно разговаривать, как бы сложно это ни было. Находить компромиссы. Это самое главное в семейной жизни, запомни мои слова.

— Мне бы в начале в себе разобраться, — тихо, но упрямо ответила Ева. — Без давления извне. Без советов. Для меня сейчас это самое главное — спрятаться и поселиться там, где никто и никогда меня не найдет.

— А как же этот араб? — с неугасающей надеждой спросила женщина. — Вы поговорили с ним? Он не будет тебя искать? Надеюсь, у него хотя бы есть твой номер?

— Больше нет, мама.

Ева решительным, резким движением достала из кармана телефон, ловко извлекла из него крошечный пластиковый квадрат сим-карты. Пальцы подрагивали, но взгляд был твердым. Надавлив ногтями, она с сухим щелчком согнула симку напополам и, рванув на себя створку форточки, швырнула обломки в глухую, сырую ночную темноту.

— Завтра куплю новую. И начну совсем другую жизнь.

Мать молча смотрела на закрывшуюся форточку. В ее глазах испуг сменился глубоким, чистым материнским принятием. Она поняла: ее девочке по-настоящему пришлось пройти через ад.

— Ты знаешь, что делаешь, — уверенно, без тени сомнения произнесла она. — Я всегда тебя поддержу, что бы ты ни решила. А Даньку... ну что мы, его не вырастим? Я тебя одна поднимала в тяжелые годы, и его смогу. На ноги поставим.

— Спасибо тебе, мама...

Ева впервые за долгие, мучительные месяцы потянулась к матери. Она обняла ее, крепко, отчаянно прижалась к родному плечу, совсем как в глубоком детстве, когда разбивала коленки. На душе впервые за ночь разлилось спасительное тепло. Она чувствовала вселенскую, абсолютную защиту в этих хрупких, уставших маминых руках. Только сейчас Ева до конца осознала: мама — единственная на всем белом свете, кто любит ее не за медали, не за красивое тело, не за престиж или статус. А просто так. Потому что она — ее дочь.

— За место проживания даже не думай, у меня все под

контролем, — ласково погладила ее по волосам мать, утирая незаметную слезу. — У Наташки Костровой дача пустует, крепкий дом, тишина, места глухие. Можешь пожить там, я завтра же с ней обо всем договорюсь. И главное — не переживай, слышишь? А то молоко пропадет. Все у тебя будет хорошо, доченька. Все обязательно будет хорошо.

Абонент находится вне зоны действия сети.

Механический, равнодушный голос автоответчика в сотый раз бил по ушам Олега, заставляя его зубы скрежетать от ярости. Ева была недоступна. Телефон тещи длинно, издевательски гудел, но трубку никто не брал. Олег швырнул мобильный на пассажирское сиденье и с силой ударил ладонями по рулю. Черта с два он это так оставит.

Поездка к теще, на которую он возлагал последние надежды, превратилась в сокрушительный провал. Олег стоял на лестничной клетке перед обшарпанной дверью, изо всей силы вдавливая палец в кнопку звонка. За дверью противно, надрывно трезвонило. Он заколотил в деревянное полотно кулаками, наплевав на соседей.

— Ева! Открой! Я знаю, что ты там! Ева!

Ни звука в ответ. Олег прижался ухом к прохладной обивке двери, затаив дыхание. По ту сторону царила мертвая, звенящая пустота. Ни шагов, ни шороха, ни приглушенного телевизора. По этому абсолютному, глухому отсутствию каких-либо шумов он с леденящей ясностью понял: в квартире никого нет. Они уехали. Обе.

Олег медленно спустился во двор и запрыгнул в машину, тяжело дыша. На лбу выступил холодный пот, смешавшийся с утренним похмельем.

Куда она могла податься? Где ее искать? В его голове не было ни единой зацепки. Спортивные подруги? Из-за его бесконечной ревности Ева давно перестала с кем-либо близко общаться. Подруги тещи? Он их знать не знал.

Ева просчитала всё. Она вырвала его из своей жизни с корнем, не оставив даже захудалого следа. И это осознание собственного бессилия, невозможности контролировать ситуацию обжигало Олега изнутри сильнее, чем вчерашний алкоголь. Он сидел в запертом салоне автомобиля, глядя на окна пустой квартиры, и впервые в жизни чувствовал, как земля уходит у него из-под ног.

Проводив взглядом такси, увозившее маму обратно в город, Ева еще несколько минут стояла у калитки. Она закинула голову, подставив лицо крупным, невесомым снежинкам, и глубоко, до головокружения вдыхала хрустальную свежесть январского утра.

Рядом, поднимая тучи пушистой снежной пыли, бесшабашно носился Феликс. Лопухий щенок овчарки то и дело оглашал морозный воздух звонким, еще по-детски прерывистым лаем, пытаясь поймать зубами падающие хлопья.

Зима за городом оказалась сказочно, пронзительно красивой — ожившая новогодняя открытка. Все кругом утопало в безмолвных, чистых сугробах, а небольшой, ладно скроенный деревянный домик в дачном поселке казался уютным убежищем, спрятанным от всего остального мира. Поежившись от забравшегося под куртку холода, Ева в последний раз обвела взглядом пустую дорогу и медленно пошла к дому.

Внутри ее встретила тишина. На душе сразу стало сиротливо и грустно, комнаты мгновенно опустели без маминого светлого тепла. Они прожили здесь втроем целую неделю,

упиваясь этим неожиданным покоем, но зимние каникулы подошли к концу. Вере Павловне нужно было возвращаться в школу, к ученикам, к своей привычной, размеренной работе. Она сделала главное — укрыла дочь от бури.

Олег не оставлял их в покое. Он обрывал телефон Веры Павловны каждый день. Сначала требовал, исходил злостью, приказывал выдать местонахождение Евы и ее новый номер. Потом, сообразив, что агрессия не работает, сменил тактику — начал жалобно умолять тещу о помощи, пытаясь вернуть жену:

— Ну пойми ты, Олег, — мягко, но с непоколебимой твердостью увещевала его Вера Павловна во время их последнего разговора. — Не получается у вас семьи. Так бывает. Вы просто разные люди, не половинки одного целого. Пора это признать.

— Вера Павловна, ну почему нет?! — его голос в трубке, как обычно, был чересчур громким, развязным, пьяноватым. — Мы же полгода прожили вместе! Нормально же все было, красиво, шумно! Я же люблю ее, мне дышать без нее хреново, понимаете вы или нет?

— Понимаю, Олег. Только семья — это ведь не вечный праздник с банкетами, гулянками и плясками под прицелом

камер. Семья — это труд. Тяжелый, ежедневный, ежечасный труд двоих людей. А ты к нему не готов.

— Да я всё ради нее сделаю!

— А ты готов стать отцом чужому ребенку? — хлестко, без обиняков спросила женщина, и на том конце провода воцарилась тяжелая заминка. — Не на один час для красивой фотосессии в прессе. Не для фанатов и рейтингов в соцсетях. А настоящим отцом — на всю жизнь, со всеми бессонными ночами и болезнями. Это ведь тоже труд, огромный и жертвенный. Не мучай ты ни себя, ни Еву, Олег. Ты молодой, здоровый парень. Найди свою женщину, воспитай собственных детей и будь по-настоящему счастлив. Подумай об этом. Пожалуйста.

После этого разговора наступила благословенная тишина. Олег больше не звонил. То ли пьяная гордость выиграла, то ли слова тещи наконец пробили его глухую броню эгоизма.

Ева подошла к детской кроватке. Данька сладко спал, смешно посапывая крошечным носом. Она поправила теплое одеяльце и опустилась на кресло рядом, подтянув колени к груди.

Как бы она ни пыталась запретить себе, как бы ни убежда-

ла, что нужно вычеркнуть прошлое, мысли всё равно возвращались к одному человеку. К Салману. Сердце глухо, предательски сжималось от отчаянного, почти детского желания верить, что он ищет ее. Что перерывает эту заснеженную, холодную Россию в попытках найти ее след. Но холодный разум безжалостно отрезвлял: она ведь так и не узнала истинную причину его внезапного появления. Салман ничего ей не пообещал, не объяснил, зачем приехал. Возможно, у него здесь просто крупный бизнес, контракты, дела... а встреча у роддома была лишь случайной вспышкой старого костра.

Теперь, когда мама уехала, и Ева осталась один на один с сыном среди бескрайних снегов, пришло время для самого сложного — разобраться в себе. Смыть с души копоть последних месяцев, отойти от бесконечных стрессов, Олега, страхов и чужих ожиданий. Нужно было заново собрать себя по кусочкам и решить, как жить дальше.

В будущее она смотрела уже без прежнего панического ужаса. Через год, когда Данька немного подрастет, она обязательно вернется на лед — пусть не как фигуристка, но как тренер. Силы и опыт у нее есть. А пока... имя Евы все еще громко звучало в спортивном мире. Ей регулярно поступали предложения о съемках в рекламе от крупных брендов. Этих гонораров с лихвой хватит, чтобы они с сыном ни в чем не нуждались и жили спокойно, ни от кого не завися.

— Значит, прорвемся, сынок, — едва слышно прошептала Ева, нежно погладив спящего мальчика по бархатной щечке. — Обязательно прорвемся. И всё у нас будет хорошо.

под столом, словно услышав ее голос, Феликс шумно вздохнул во сне и уткнулся носом в ее пушистый домашний тапочек. Ева улыбнулась. Начиналась ее новая, чистая, как этот загородный снег, жизнь.

Глава 4

Салман весь день обрывал номер Евы, но бездушный голос автоответчика на двух языках повторял одно и то же: «Абонент находится вне зоны действия сети». Когда глухая тишина в трубке затянулась и на следующие сутки, внутри у него зашевелилось нехорошее, ледяное беспокойство.

Его люди сработали мгновенно. Уже через пару часов пришел отчет: в квартире Олега пусто, ни женщины, ни новорожденного ребенка там нет. Салман предположил, что Ева могла уехать к матери, но и в окнах Веры Павловны круглосуточно царила темнота. Охрана караулила оба адреса, пробивала частные клиники и вокзалы — безрезультатно. В прессе царило затишье, кроме старых новостей о родах знаменитой фигуристки, никаких зацепок.

Куда она могла исчезнуть с младенцем на руках в эти лютые русские морозы? Да еще, судя по всему, прихватив с собой мать?

Салман стоял у окна своего гостиничного люкса, глядя на заснеженную, чужую Москву. В памяти невольно всплыл ее первый побег из его поместья в Самарре. Он тогда перевернул небо и землю, но она упрямо выскальзывала из пальцев.

— Да... умеешь же ты скрываться, радость моя, — нервно, с горькой гордостью усмехнулся он под нос, сжимая челюсти.

Целую неделю поиски топтались на месте. Квартира тещи оставалась запертой, и Салман понимал, что женщина уехала вместе с дочерью, помогая ей спрятать концы в воду. Но сегодня вечером на телефон Салмана пришло короткое сообщение от начальника охраны: «В окнах Веры Павловны загорелся свет. Женщина вернулась одна. Ребенка и Евы Донской с ней нет».

Салман медленно закрыл глаза, делая глубокий вдох. Наконец-то. Ниточка нашлась. Если Евы нет дома, значит, нужно идти к единственному человеку, который точно знает, где она прячется. И заставить её заговорить.

Вечером Вера Павловна сидела на диване перед телевизором, кутаясь в теплую шаль и пытаясь согреться после дороги. Загородная неделя пролетела как один миг, и возвращаться в пустую квартиру было тяжело. Накануне Ева строго-настрого запретила матери давать кому-либо информацию о себе, поэтому женщина мысленно готовилась держать глухую оборону, если объявится взбешенный Олег или назойливые репортеры.

Но к тому, кто нажал на кнопку звонка в прихожей, она точно не была готова.

Вера Павловна решительно распахнула дверь — и замерла, лишившись дара речи.

Перед ней стоял высокий, невероятно плечистый мужчина. Настоящий восточный красавец с хищным, благородным профилем и безупречной осанкой воина. Черные, как южная ночь, глаза смотрели прямо и пронзительно, а на губах играла вежливая, едва заметная улыбка. От него веяло оглушительной мужской силой и шлейфом дорогого, дурманящего парфюма — тяжелые ноты пустынного мускуса и согретого солнцем дерева мгновенно заполнили скромную прихожую.

В одной руке незнакомец держал огромный, роскошный букет темно-бордовых, почти черных роз, покрытых каплями талого снега, а в другой — пузатую бутылку коллекционного коньяка и коробку дорогих конфет. Вере Павловне на секунду показалось, что к ним в дом по ошибке заглянул какой-нибудь восточный принц. Поклонник Евы? Но раньше фанаты никогда не заявлялись к ним на порог.

Собрав волю в кулак, женщина сухо произнесла:

— Извините, вы, наверное, к Еве Донской? Так она здесь

больше не живет.

— Нет, Вера Павловна. Я пришел именно к вам, — бархатный, глубокий голос незнакомца с мягким, едва уловимым южным акцентом заставил её вздрогнуть. Он знал ее имя.

— Ко мне?.. — брови женщины изумленно поползли вверх.

— К вам, — он сделал едва заметный уважительный поклон головой и протянул ей охапку роз. — Это для вас. Позвольте войти? Мне очень нужно с вами поговорить.

Вера Павловна настолько растерялась от его манер, напора и этого царского букета, что даже забыла спросить, кто он такой. Поддавшись какому-то необъяснимому внутреннему импульсу, она приняла цветы и отступила в сторону, пропуская гостя:

— Да... да, конечно, проходите.

Она закрыла за ним дверь и, забрав из его рук бутылку и коробку шоколада, тихо добавила:

— Раздевайтесь, пожалуйста. Верхнюю одежду можно по-

весить на вешалку.

Когда он снял тяжелое зимнее пальто и прошел в гостиную, Вера Павловна смогла рассмотреть его лучше. Каждое движение этого мужчины было выверено, в нем сквозила абсолютная, железобетонная уверенность хозяина жизни, но при этом не было ни капли дешевой спеси. Спортсмен, причем элитного уровня — это она, как мать фигуристки, определила сразу по развороту плеч и кошачьей грации.

— Присаживайтесь на диван, я на минутку. Только поставлю цветы в воду, — Вера Павловна поспешно ушла на кухню, судорожно ища самую большую вазу.

Оставшись один в центре комнаты, Салман медленно осмотрелся. Обстановка была скромной, чисто советской, но очень уютной, наполненной теплом и книжным запахом. Его взгляд зацепился за большой дубовый шкаф, где на одной из полок стояли фотографии в аккуратных рамках.

Салман подошел ближе. Со снимков на него смотрела маленькая Ева. Вот она — совсем крошечная, хрупкая, в расшитом пайетками платъице на льду. Вот — в пушистой шубке и забавной вязаной шапке крепко держится за бортик катка. А на центральном фото Ева была особенно прекрасна: повзрослевшая, ослепительно улыбающаяся, со сверкающей

золотой медалью на шее. Огонь в ее глазах обжигал даже через стекло.

Салман бережно, с какой-то благоговейной осторожностью взял эту рамку в руки. Он завороженно всматривался в черты любимого лица, когда в комнату вернулась Вера Павловна.

— Я вижу, Ева с самого детства была редкой красавицей, — тихо, негромко произнес он, не отрывая взгляда от снимка. — Теперь мне понятно, в кого она пошла лицом.

И в этот момент все кусочки пазла в голове Веры Павловны со свистом встали на свои места. В ушах эхом отозвались ночные откровения дочери на кухне: «Это араб... Отец ребенка — мой первый мужчина...»

Она замерла у порога, внимательно вглядываясь в его суровое, но сейчас такое беззащитное перед фотографией лицо.

— Так это вы... Вы — араб? Из Самарры? Отец Данилы, я правильно поняла?

Салман медленно поставил рамку на место и повернулся к ней. В его глазах не было страха или попытки соврать. Толь-

ко абсолютная честность.

— Вы всё правильно поняли, Вера Павловна. Меня зовут Салман.

— Очень приятно, — женщина сглотнула подступивший к горлу ком, стараясь держать марку. — Но Евы здесь действительно нет. Вы, должно быть, хотели поговорить с ней?

— Вера Павловна, — Салман сделал шаг навстречу, и в его голосе впервые прорезалась глухая, отчаянная мольба, которую он никогда и ни перед кем себе не позволял. — Помогите мне встретиться с ней. Я с ног сбился, не могу ее найти. Это... это вопрос жизни для меня. Пожалуйста.

— Но что я могу, молодой человек? — Вера Павловна грустно вздохнула, присаживаясь в кресло. — Это было решение Евы. Она сама забрала ребенка и уехала. Раз она прячется — значит, не хочет этой встречи.

Салман опустился на диван напротив, подавшись вперед. Его смуглые пальцы крепко сцепились в замок.

— Я видел жизнь во всех ее проявлениях, поверьте мне. И я знаю по личному опыту: когда человек ломает и выбрасывает сим-карту, мои люди нашли ее на снегу, под окнами, он

хочет навсегда сойти со своей прежней орбиты. Ева бежит от прошлой жизни, у нее есть на это серьезные причины, я знаю. Но не дайте ей совершить ошибку.

— Какую ошибку, Салман? — тихо спросила мать. — Ей просто нужно время. Ей нужно прийти в себя после всего, что на нее свалилось, разобраться в своих мыслях. Не нужно ей мешать.

— Я знаю, что она окончательно ушла от мужа, — жестко произнес он, и в глазах на миг вспыхнуло опасное пламя, но тут же угасло. — И причина не в нем. Этот ничтожный трус больше ничего не значит. Ева скрывается от меня. Потому что я люблю вашу дочь. И она любит меня, я знаю это, я чувствую это как мужчина, поверьте мне! Но она... она смертельно боится своих чувств. И прячет их за глухой стеной.

— Зачем же ей бояться, раз всё взаимно? — Вера Павловна искренне недоумевала, глядя на этого бушующего от эмоций восточного исполина. — Я не совсем понимаю...

Салман тяжело, изломанно вздохнул и опустил голову. Вся его спесь и гордость испарились, осталась только обнаженная, кровоточащая правда.

— Потому что она не может простить мне того, как я к ней

относился. Все было чудовищно неправильно с самой первой нашей встречи в Самарре. Я кругом виноват перед ней, Вера Павловна. Кругом... Я рос и жил в совершенно другом измерении, на войне. Был как дикий зверь — без жалости, без страха, без понимания чужой боли. Я совершил много плохих, страшных вещей в своей жизни. Но встреча с Евой... она перевернула меня. Смыла эту черноту. Заставила меня полностью пересмотреть всё, во что я верил. Теперь у меня наконец-то появился смысл жизни. Мой сын, моя гордость... и моя любимая женщина. Это самый ценный подарок, который судьба сделала такому грешнику, как я.

Вера Павловна молча слушала его. Сердце старой учительницы, повидавшей немало человеческих драм, дрогнуло. В словах Салмана не было фальши — так раскаяться и так обнажить душу перед чужой матерью гордый восточный мужчина ради забавы не смог бы.

— Если всё так... почему же вы не приезжали так долго? — тихо, с упреком спросила она. — Дочь одна носила этого ребенка, терпела издевательства мужа. Где вы были, Салман?

— Я не мог, — его голос упал до хриплого шепота, в нем послышался скрежет металла. — На моей родине до сих пор идет жестокая война. Были дела, контракты, обязатель-

ства перед моим народом и семьей, которые требовали моего личного, ежеминутного участия. Я разгребал этот ад, чтобы приехать к ней свободным человеком. Ну что... Вы поможете мне?

Вера Павловна отвела взгляд, сжимая в руках край ша-ли. Внутри нее шла жестокая борьба между материнским инстинктом защитить покой дочери и женским чутьем, которое кричало, что этот мужчина — судьба Евы.

— Я не могу, Салман. Поверьте мне, не могу. Ева плакала на моей кухне и умоляла держать ее адрес в строжайшей тайне. Я дала слово.

Салман мягко, осторожно накрыл ее руку своей огромной ладонью. Его прикосновение было горячим, как песок его пустыни.

— Я не стану давить на нее, клянусь вам всем, что у меня есть. Я не причиню ей вреда. Мне просто нужно встать перед ней и поговорить. Один раз. Посмотрите на меня, Вера Павловна... В ваших руках сейчас судьба трех человеческих жизней. Моей, Евы и нашего сына. Пожалуйста... организуйте нам эту встречу.

На часах в прихожей давно перевалило за полночь. За ок-

нами густо сыпал январский снег, занося следы, а на маленькой, уютной кухне эти двое — строгая русская женщина и могущественный арабский криминальный лидер — все еще сидели со стаканами янтарного коньяка, неторопливо потягивая напиток и тихо, вкрадчиво говоря о жизни, о прощении и о любви, которая способна исцелить даже самого дикого зверя.

Вера Павловна почувствовала этот липкий, неотступный взгляд спиной еще в тот день, когда вернулась с дачи. Стоило ей выйти из такси у своего подъезда, как внутри шевельнулась тревога.

Предчувствие не обмануло. Во дворе дома, у самого раскидистого тополя, изо дня в день парковалась неприметная темная машина. Двое молодых людей крепкого сложения, сидевшие внутри, старались лишней раз не афишировать свое присутствие, но Вера Павловна прекрасно видела их из окна своей квартиры на третьем этаже. Они дежурили круглосуточно, сменяя друг друга.

Ей казалось это более чем странным. Раз Олег перестал звонить и обрывать телефон, логично было предположить, что он смирился, перебесился и наконец-то оставил её дочь в

покое. Но зачем тогда его люди с таким упорством караулят дом? Неужели он затаился для нового удара?

Не выдержав, Вера Павловна набрала новый, секретный номер дочери.

— Ева, здравствуй. У вас там всё в порядке? Никто вас на даче не беспокоит? — голос матери дрожал от подспудного волнения, как бы она ни пыталась его скрыть.

— Нет, мамочка, всё тихо, Данька спит, Феликс во дворе сугробы роет, — в трубке послышался мягкий, спокойный голос Евы, который тут же осекся. — Мама, а почему ты спрашиваешь? Что с твоим голосом? Что-то случилось?

Ева мгновенно занервничала, инстинктивно прижимая телефон плотнее к уху.

— Доча, ты только не волнуйся, пожалуйста... Но Олег, похоже, всё никак не успокоится. С ног сбился, хочет тебя найти.

— С чего ты это взяла? — удивилась Ева, и в её интонациях проскользнуло раздражение. — Он что, опять звонил тебе? Вчера ведь тишина была.

— Нет, не звонил. Но его люди... они караулят возле моего дома постоянно, понимаешь? Буквально живут во дворе. Тебя выжидают, наверное, надеются, что ты к матери придешь.

— Ой, мам, ну тебе просто показалось, — с облегчением выдохнула Ева, искренне не придав значения материнской панике. Ей казалось, что из своего заснеженного убежища она контролирует ситуацию. — Не волнуйся ты так. Мало ли кто там паркуется в Москве. Не обращай внимания.

— Не показалось мне, Ева, — упрямо настояла Вера Павловна. — Они каждый день дежурят. Я учительница, у меня глаз наметан на такие вещи.

— Ну и пусть дежурят, — отмахнулась девушка. — Нас-то они не беспокоят, мы далеко. И слава Богу. Пусть мерзнут.

В трубке повисла тяжелая, затяжная пауза. Было слышно только тихое, нерешительное дыхание Веры Павловны. Она собиралась с духом, чтобы сказать главное.

— Ева... я даже не знаю, как тебе сказать. Тут такое дело... В общем, тебе нужно встретиться с Салманом.

У Евы в секунду перехватило дыхание, словно её со всего

размаху толкнули в грудь. Имя, которое она запрещала себе даже мысленно произносить, прозвучало из уст матери как гром среди ясного неба. Воздуха в комнате резко не хватило.

— Что?.. — прошептала она, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Мама... откуда... откуда ты его вообще знаешь?

— Он приходил ко мне вчера вечером, доченька. Мы весь вечер просидели на кухне,

проговорили по душам. Знаешь... он мне очень понравился. Из него прямо колом бьет эта мужская сила, но перед памятью о тебе он... он как шелковый. Он любит тебя, дочка. Настоящей, безумной любовью любит. Не отталкивай его, прошу тебя. Вам обязательно, просто жизненно необходимо встретиться.

У Евы мгновенно, жаркой волной вспыхнули щеки. Сердце забилось так неистово и громко, что, казалось, его стук был слышен через тысячи километров. От внезапного, оглушительного, запретного счастья круглая комната поплыла перед глазами.

«Значит, Салман её ищет... Он приехал в эту ледяную Россию ради неё... Он ищет её... Он любит её...» — застучало в висках, смывая всю обиду и страх последних месяцев.

Но гордость, старая глубокая боль и страх снова оказаться слабой перед этим мужчиной заставили её взять себя в руки. Она судорожно сглотнула и произнесла вслух как можно холоднее:

— Мама, ты слишком многого не знаешь. Ты наивная. Он совсем не тот, за кого себя выдает. Он опасный, страшный человек.

— Я всё знаю, Евочка, — мягко, с бесконечным сочувствием перебила её мать. — Ну, во всяком случае, то, что он сам мне рассказал. Он ни в чем себя не оправдывал, дочка. Он раскаивается. Во всем, что случилось между вами там, на его родине, он винит только себя. Он буквально казнит себя за каждую твою слезу. Ты хотя бы просто встретиться с ним. Поговори. Посмотри в его глаза. Это же тебя абсолютно ни к чему не обяжет, понимаешь? Просто выслушай его.

— Я не знаю, мама... я правда не знаю, — Ева тяжело, изломанно вздохнула, прижимая свободную руку к груди, чтобы унять сумасшедший стук сердца. — Мне сейчас вообще не о мужчинах думать надо. Не до романов мне. У меня Данька маленький на руках, мне о ребенке заботиться нужно, о себе, жизнь заново строить...

— Вот и соглашайся, Ева, — твердо, с улыбкой в голосе подытожила Вера Павловна. — Хватит бегать от своей судьбы. А за Данилку даже не переживай — я завтра же возьму на работе отгулы, приеду к тебе и за внуком присмотрю. Дай Салману шанс всё исправить.

Глава 5

Они сидели друг против друга в глубоких креслах дорогого, уютного ресторана «Матрёшка». Ева намеренно выбрала это место. Салман, разумеется, рассчитывал на совсем другой сценарий — он хотел привезти её в свой любимый закрытый клуб, в уединенную VIP-кабину, где им никто не смог бы помешать, и обязательно в более позднее, интимное время.

Но Ева проявила жесткость. Она настояла на свидании в оживленном публичном месте и в самом начале вечера. Она слишком хорошо знала и себя, и его. Стоило им остаться наедине в закрытом пространстве, Салман не стал бы сдерживать своего хищного напора, а она... она просто не смогла бы устоять перед его бешеной мужской энергетикой, магнетизмом и властной сексуальностью, от которой у нее до сих пор слабели колени. Публика вокруг была её единственной защитой. Её броней.

Часом ранее, когда Ева вместе с мамой и маленьким Данькой только вошли в холл центра, Салман и Муса уже ждали их. Они стояли у панорамных окон, и их мощные, атлетичные фигуры в безупречных темных пальто мгновенно приковывали к себе взгляды прохожих.

При виде Салмана, который буквально пожирал её своим горячим, потемневшим взглядом, Ева смутилась. Дыхание перехватило, ноги в секунду стали ватными, а сердце заколотилось в грудную клетку так сильно, что стало больно. Её замешательство и вспыхнувшие щеки не укрылись от его внимательного, торжествующего взгляда. На губах Салмана появилась соблазнительная, хищная улыбка, и он стремительно пошел ей навстречу.

Девушка и опомниться не успела, как его большие, сильные руки обхватили её, властно сгребая в охапку и прижимая к крепкой груди. Ева задохнулась, почувствовав, как её окутал до боли знакомый, дурманящий запах его парфюма — пустынный мускус и дорогое дерево. А в следующий миг Салман накрыл её губы страстным, требовательным поцелуем, заставляя весь мир вокруг разлететься на тысячи осколков. Это было сумасшествие — целоваться вот так, посреди многолюдного зала, но Салману было плевать на условности. Он забирал свое.

Едва разорвав поцелуй, он перевел безумный взгляд на коляску. Его движения мгновенно стали удивительно бережными. Салман осторожно, словно величайшую ценность в мире, достал спящего ребенка из конверта и прижал к своей могучей груди.

— Посмотрите на него... Каков ангелочек! Настоящий мужчина, весь в отца, — с безграничной, звенящей гордостью выдохнул он, всматриваясь в крошечное личико. — Моя кровь.

Младенец недовольно зажмурился от смены обстановки, зашевелился и открыл темные глазки.

— Ну что, сынок... поговорим? — Салман пока еще неумело, непривычно держал этот хрупкий сверток своими огромными ладонями.

Он склонился к самому ушку малыша и тихо, гортанно зашептал что-то напевное на арабском языке. И произошло чудо. Данька, который еще секунду назад собирался закатить истерику и уже сморщил носик, вдруг затих. Он замер, прислушиваясь к низкому голосу отца, а потом вдруг беззубо, доверчиво заулыбался, словно понимал каждое слово.

Муса, который в любой ситуации оставался суровым, как скала, и крайне редко позволял себе лишние эмоции, сейчас стоял рядом и тоже невольно улыбался, глядя на эту картину.

— Салман, клянусь Аллахом, ты шикарно смотришься, — покачал он головой. — Не думал, что когда-нибудь увижу тебя в роли няньки. Но тебе идет.

— Вы и правда смотрите невероятно трогательно, Салман, — Вера Павловна незаметно смахнула набежавшую слезу восхищения, прижимая ладонь к сердцу. — Из вас выйдет потрясающий, любящий отец. Я сердцем это чувствую.

Ева стояла рядом, не в силах отвести взгляд от этой сцены. Защитная броня, которую она так тщательно выстраивала, дала глубокую трещину. «Двое моих самых любимых мужчин... Господи, два моих самых дорогих человека», — пронеслось в ее мыслях, и к горлу подступили слезы сладкого, щемящего счастья.

Ужинать вместе Вера Павловна наотрез отказалась, понимая, что молодым нужно остаться вдвоем. Она решительно забрала у Салмана внука, переложив его обратно в коляску и в сопровождении Мусы, который тут же превратился в ее личного телохранителя, отправилась совершать набег на детские магазины.

Ева и Салман остались один на один за столиком «Матрешки». Вокруг шумят люди, а между ними — целая вселенная из невысказанной боли, страсти и шрамов прошлого.

И вот теперь они сидели в ресторане. Салман смотрел на нее через столик, и в его глазах Ева видела то, чего нико-

гда не было раньше — бесконечную нежность напололам с готовностью просить прощения. Напряжение между ними можно было резать ножом.

Ева тщательно, до малейших мелочей продумала свой гардероб в тот день. Когда несколько месяцев назад она спешно, под покровом ночи уезжала из Самарры, ей было совершенно не до вечерних туалетов. Помня страсть Салмана к черным платьям, за день до этой встречи она специально вырвалась в город и прикупила всё необходимое. Ей отчаянно, на каком-то подсознательном уровне хотелось ошеломить его. Он ведь никогда не видел её такой — роскошной, ухоженной, при полном параде.

И когда в холле ресторана Салман бережно помог ей снять пальто, Ева по его вспыхнувшему взгляду поняла: ей это удалось.

Он застыл на мгновение, буквально потеряв дар речи. В черном шёлковом платье, едва прикрывающем колени, с дерзко открытой спиной, на тонких шпильках и с легким, изысканным макияжем, Ева выглядела умопомрачительно сексуальной. Мужчина не скрывал своего восхищения. С первой же секунды он мысленно раздел её глазами, призывая на помощь всё своё хваленое самообладание, чтобы не наброситься на неё и не заняться любовью прямо здесь, на

этом дубовом столе.

Помогая ей присесть и плавно пододвигая стул, Салман не сдержался. Он наклонился и запечатлел собственнический, обжигающий поцелуй на её обнаженном плече. Когда его горячие губы коснулись нежной кожи, Еве показалось, что сквозь неё пропустили высоковольтный разряд — поцелуй прожёл её насквозь. Девушка держалась из последних сил, натянув на лицо маску идеального спокойствия, чтобы не выдать своего смятения. Но искры, летевшие между ними, были настолько осязаемыми, что их, казалось, замечали даже сторонние наблюдатели за соседними столиками.

— Любимая, ты обворожительна, — низким, бархатным голосом произнес он, садясь напротив. Оглядев зал, он хищно усмехнулся: — Все мужчины вокруг смотрят на тебя. Я сейчас не дал бы и гроша за свою жизнь, если бы кто-то из них рискнул подойти.

— Думаю, тебе не стоит беспокоиться, — в тон ему отпарировала Ева, изящно поправляя салфетку. — Судя по взглядам местной женской половины, вокруг полно тех, кто готов защитить тебя ценой собственной жизни.

Ева действительно не могла не заметить, что с той минуты, как они вошли, женщины в зале буквально пожира-

ли Салмана глазами. Он выглядел потрясающе. Темно-серый костюм идеального кроя безупречно сидел по фигуре, подчеркивая мощное, тренированное тело. А белоснежная рубашка с расстегнутой верхней пуговицей резко контрастировала с его бронзовой кожей, открывая простор для самых смелых сексуальных фантазий. Такой порочной, цивилизованной элегантности Ева в нем еще не видела.

Когда официантка приняла заказ и бесшумно отошла, Салман внимательно посмотрел на девушку.

— Когда я собирался в Россию, то ожидал от тебя чего угодно: истерики, слез, глухой обороны... Но только не такого ледяного спокойствия. Материнство тебя действительно сильно изменило, Ева.

— Раньше мне приходилось отстаивать свое право на жизнь, которого ты меня лишил, — жестко, без тени робости ответила она, прямо встретив его взгляд. — А сейчас я у себя дома. В своей стране. Мне здесь ничего не угрожает.

— Давай не будем ссориться сегодня, — страдальчески поморщился Салман, и в его глазах проскользнула непривычная для него просящая нотка. — Такой прекрасный вечер. Я так рад, что ты согласилась встретиться со мной.

— Ты хотел поговорить? — Ева осталась непреклонна. — Можешь оставить вступительную речь и перейти сразу к делу.

— Ева, мы же взрослые люди. Давай хотя бы на один вечер зароем топор войны и поговорим о чем-нибудь красивом? О нас.

— Почему меня это не удивляет? — Ева скептически приподняла бровь. — Ты уверял мою маму, что у тебя есть какое-то важное дело ко мне, а теперь сидишь и не знаешь, с чего начать?

— Ты прекрасно знаешь, что нам есть о чем поговорить, — Салман посерьезнел, его голос стал глубже. — Данила — мой сын. Ты ведь не станешь отрицать этот факт?

Внутри у Евы всё мгновенно сжалось от подступившего страха, но внешне она лишь сильнее расправила плечи. В эту секунду она была готова разорвать любого, кто посмеет посягнуть на её ребенка.

— Факт заключается в том, что Данила — МОЙ сын, — медленно, выделяя каждое слово, отчеканила она. — И у тебя на него нет никаких прав. Что-то еще?

— Я не хочу с тобой спорить, — примирительно поднял ладони Салман, уступая. — Хорошо. Это наш сын.

— Послушай меня внимательно, Салман, — в её голосе зазвенели стальные нотки, Ева сейчас напоминала разъяренную, защищающую свое дитя фурию. — Если ты приехал сюда с мыслью заявить на него свои права или попытаться забрать — у тебя ничего не выйдет. Ты никогда его не получишь. Это моя страна, и все законы здесь на моей стороне.

«В гневе она еще соблазнительнее», — с восхищением отметил про себя мужчина, в который раз мысленно прокляв этот ресторан за отсутствие уединенных VIP-кабинок.

Тонкая ладонь Евы лежала на скатерти. Салман резко протянул руку и накрыл её пальцы своей тяжелой, горячей ладонью. Ева попыталась выдернуть руку, но он держал крепко, не позволяя отстраниться, и начал медленно, гипнотизирующе поглаживать её тыльную сторону большим пальцем.

Стоило его коже коснуться её, как Еву прошиб мощнейший электрический разряд. Плотная, удушающая волна жара мгновенно распространилась по всему телу, взрываясь миллионом порхающих бабочек внизу живота. Кровь прилила к лицу. Ева вынуждена была опустить глаза, не в силах выдержать этот голодный, хищный натиск его глаз, жадно

пожирающих её лицо.

— Ева, успокойся и послушай меня, — Салман старался говорить как можно мягче, хотя сам едва дышал, глядя на то, как тяжело вздымается её грудь под тонким шёлком платья. — В прошлом между нами было много ужасного. Я виноват перед тобой. Клянусь, я всю жизнь буду сожалеть о том, как обошелся с тобой тогда. Но давай оставим прошлое в прошлом. Жизнь продолжается. Мы любим друг друга, к чему эта война? Давай сожжем старые мосты и начнем новую главу с чистого листа. Нам есть ради кого это делать. У нас растет замечательный мальчик.

В этот момент подошли официанты. Пока они молча сервировали стол, расставляя блюда, между Евой и Салманом повисла звенящая, напряженная тишина. Как только официанты, пожелав приятного аппетита, удалились, Салман подался вперед:

— Ева, скажи хоть что-нибудь. Не молчи.

— Я... я не готова сейчас ничего сказать, — растерялась она, чувствуя, как под его гипнотическим влиянием тает её былая уверенность.

— Запомни одну вещь, — Салман крепче сжал её ладонь,

и его лицо стало абсолютно серьезным. — Как бы ни сложились наши с тобой отношения, я никогда — слышишь? — никогда не сделаю ничего, что может навредить тебе или нашему малышу. Клянусь тебе памятью своего отца, я не буду претендовать на него через суды и не стану пытаться украсть его у тебя. Никогда. Ты веришь мне? Ева, посмотри на меня. Ты веришь мне?

Она медленно подняла глаза, вглядываясь в самую глубину его темных, искренних омутов, и тихо выдохнула:

— Верю.

— Значит, мир? — лицо Салмана мгновенно преобразилось, он расплылся в своей ослепительной, голливудской улыбке. Не разжимая пальцев, он поднес её кисть к своим губам и поцеловал внутреннюю сторону запястья, туда, где отчаянно бился её пульс. — Отлично. Сегодня же перевезу вас из этой глуши к себе в отель.

— Салман, постой, ты слишком торопишься! — Ева попыталась вернуть остатки здравого смысла, хотя сердце от его поцелуев уже готово было выпрыгнуть из груди. — Всё не так просто, как ты привык думать. Маловероятно что ты собираешься оставаться в России?

— Конечно нет, — безапелляционно заявил он, словно этот вопрос даже не подлежал обсуждению. — В Россию я навещаю только по делам бизнеса, здесь у меня серьезные партнеры. А жить мы будем в Самарре, в моем доме.

— Но я не могу вот так просто сорваться и уехать! — покачала она головой. — У меня здесь мама, она останется совсем одна.

— Зачем ей здесь оставаться? — искренне удивился мужчина. — Заберем её с собой. Будет жить в нашем доме, нянчить внука. Места хватит всем.

— Салман, пойми, я родилась и выросла здесь, — Ева попыталась достучаться до его мужского эго. — Здесь я что-то значу. Я четырнадцать лет своей жизни отдала профессиональному спорту, у меня здесь имя! А что я буду делать там, в твоём закрытом мире?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.